

## МОДЕЛИ РЕШЕНИЯ «ЯПОНСКОГО ВОПРОСА» В США В ПЕРИОД ЯПОНО-КИТАЙСКОГО КОНФЛИКТА<sup>1</sup>

В статье рассматривается история и эволюция решений «японской угрозы» в США в 1937–1941 гг. в контексте развития «антияпонской идеи». Доказывается существование в США нескольких моделей формирования отношений с японской диаспорой. Показана роль этнических, антропологических, религиозных, исторических и социальных факторов в практике регулирования взаимодействия японо-американцев и властей США. Отдельно рассмотрено содержание доклада Кёртиса Мансона «Японцы на Западном побережье» и его принципиальное значение для понимания специфики «японского вопроса» федеральным правительством в 1940 – 1941 гг. Показаны различия подходов Мансона и ФБР в определении японской лояльности, а также в выводах и прогнозах относительно поведения японской диаспоры в случае войны.

**Ключевые слова:** японо-китайская война, общественное мнение США, этнические конфликты

Интернирование японцев в 1941 г. стало следствием не только государственной политики в отношении к «желтой опасности» на протяжении первой половины XX в., но и отношения спецслужб (в т.ч. ФБР), отношения отдельных СМИ и даже рядовых граждан. Происхождение моделей решения «японского вопроса» было тесно связано с процессом формирования в обществе США отношения к Востоку, азиатам, с процессом складывания «Я-концепции» американского общества. Кроме того, сам процесс обсуждения в разных сферах американского общества моделей решения японского вопроса показывает, как именно эволюционировала идея применения к японскому населению «чрезвычайных мер»; какие другие идеи и теории из области национальной безопасности, массового сознания, ксенофобии влияли на развитие данных моделей. Не менее важным моментом является продолжительность складывания в США «антияпонской идеи» со второй половины XIX века до Второй мировой войны. И как показывают материалы прессы США, документы Конгресса, ФБР, военно-морской разведки, Государственного департамента США – исследуемая идея не просто была в фокусе внимания представителей американской политической системы, федерального правительства, бизнеса и военных, а оказывала влияние на процесс принятия решений в напряженные годы, связанные с обострением японо-американских отношений.

В США данный процесс оценивается историками контрастно и даже полярно – либо как вынужденная государственная политика по обеспечению национальной безопасности, либо как репрессивная мера, нарушившая Конституцию США. Сегодня большой популярностью пользуются работы по истории создания лагерей для японцев, истории

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-70003.

повседневного быта в них, изучается самоидентификация японо-американцев, отношение американского общества к «лицу японской национальности»<sup>2</sup>. Однако, представляется, что новые данные может дать анализ этой темы с точки зрения изучения политических практик США: 1) по определению (и изменению) лояльности диаспор; 2) по формированию, внутри гражданского общества, совершенно новой для США социальной и этнической иерархии с уникальной системой ценностей.

При таком подходе невозможно рассматривать «антияпонскую идею» в США в годы Второй мировой войны без учёта специфики регионов (в глобальном плане – особенностей данной практики на Восточном и Западном побережьях, в локальном плане – необходимо учитывать специфику формирования «японской проблемы» в каждом штате), а также необходимо понимание тесной взаимосвязи «японского вопроса» с «немецким» и «итальянским». Принципиальное значение указанных факторов прослеживается уже на начальном этапе попытки решения в США (до декабря 1941 г.) «японской проблемы».

Прежде всего, отметим, что японская проблема попала в поле зрения властей США чрезвычайно рано, задолго до событий в Пёрл-Харборе. Ещё в 1905–1906 гг. в Калифорнии началась практика ограничения прав японцев в области образования и заключения браков<sup>3</sup>. Процесс шёл в двух направлениях: «низовая дискриминация», вызванная ксенофобией американского общества и экономическими угрозами, связанными с деятельностью японских иммигрантов; и государственная дискриминация, опиравшаяся, во многом, на опыт «культурной интеграции» индейского населения<sup>4</sup>. А на это накладывался опыт взаимоотношений США и Японии в середине XIX в., когда первые контакты между американцами и японцами способствовали формированию образа «Другого» – в обоюдно негативном плане. Опыт Первой мировой войны по созданию концентрационных лагерей для немцев был лишь отчасти признан удовлетворительным для японцев, в силу антропологических и религиозных факторов, что снова заставляло американцев обратиться (существенно переработав) к практике XIX века в отношении индейцев.

Для понимания процесса перерастания ксенофобии в важный элемент государственной политики США, следует учитывать, что с развитием кризиса на Тихом океане (особенно в 1937–1941 гг.) начинают формироваться совершенно новые контуры «японского вопроса». Во-первых, не существовало единого управления или центра в США, занимающегося изучением японской угрозы. Различные аспекты данной деятельности находились в руках ФБР, Министерства юстиции и генерального прокурора, военно-морской разведки. Поэтому, в отчётах различных ведомств по-разному оценивалась и степень, и характер «японской опасности», а также, что особенно важно, рекомендации к практическим

<sup>2</sup> Levine 1995; Davis 1982; Hayashi 2004.

<sup>3</sup> Leupp 2003: 215–217; Burton 2002: 5–11.

<sup>4</sup> Davis 2006: 7.

действиям. Во-вторых, именно в этот период появляется большое число отчётов и аналитических записок о японской угрозе<sup>5</sup>. В-третьих, даже в период сильной напряжённости в японо-американских отношениях в разных штатах отношение к японцам было далеко не одинаковым.

В этот же период резко увеличивается число отчётов и аналитических записок о деятельности японцев в США, угрозе шпионажа, степени лояльности японской диаспоры, особенно в Калифорнии. Именно в этих документах «антияпонская идея» начала существовать как особый феномен в американском внутривнутриполитическом дискурсе. В федеральной власти быстро сформировалось два центра по мониторингу японской угрозы: Госдепартамент и ФБР<sup>6</sup>. Подходы и практика решения вопроса у ведомств отличались существенными особенностями.

Более того, каждый регион характеризовался не только разным отношением к японцам в обществе, но и принципиально различной политикой государства, что позволяет говорить о сложном механизме манипулирования и общественным мнением об «антияпонской идее», и социальным статусом японо-американцев, в зависимости от региона и штата. Традиционно Калифорния была главным местом апробирования государственной практики по отношению к японским иммигрантам. Именно здесь сталкивалось сразу несколько моделей решения «японского вопроса»: федеральная, местная и общественная.

Наглядным примером их пересечения является доклад Кёртиса Мансона «Японцы на Западном побережье». Показательна история создания этого документа: из-за обострения японо-американских отношений после 1937 г., президент Ф. Рузвельт предложил известному журналисту Дж. Картеру провести неофициальный сбор информации о японских иммигрантах<sup>7</sup>. Тот, в свою очередь, обратился к бизнесмену Кёртису Мансону выступить в роли специального представителя федеральной власти для исследования лояльности японского населения в Калифорнии, а также в близлежащих штатах<sup>8</sup>. Мансон подошёл к делу очень основательно, проведя по неделе в 11-ом, 12-ом и 13-ом военно-морских округах США (охватывают штаты Калифорния, Вашингтон, Орегон) и опросил не только представителей разведки, флота и армии, агентов ФБР, но и рабочих, фермеров, бизнесменов, студентов, религиозных деятелей<sup>9</sup>. Завершённый доклад Мансона ляжет на стол к самым высоким чинам в Вашингтоне: государственному секретарю К. Халу, военному министру Г. Стимсону, военно-морскому министру Ф. Ноксу, генеральному прокурору Ф. Биддлу, а позже попадёт и к президенту Руз-

<sup>5</sup> National Archives and Records Administration. Record Group 319. File: Series 2669. October 1940, Japanese Alien Situation.

<sup>6</sup> Ibid. Record Group 65.2 General Records of the FBI. FBI Case Report, Agents of Foreign Principals.

<sup>7</sup> Robinson 2013: 110.

<sup>8</sup> Sundquist 1988: 532–533.

<sup>9</sup> University of Washington Libraries microfilm A7378, Reel 17, Box 17, Frames 0034–0039, Items 19481.

вельту<sup>10</sup>. Следовательно, выводы и рекомендации аналитика рассматривались людьми, от которых зависело принятие конкретной модели взаимодействия федеральной власти и японо-американцев, в случае войны.

Чрезвычайно интересна структура доклада Мансона. Выводы о лояльности японской диаспоры предваряет довольно обширный этнографический раздел. Это сближает отчёт с рапортами американских военных и государственных деятелей XIX в. об индейцах, где анализ антропологических и этнографических данных часто присутствовал<sup>11</sup>. Сам Мансон объясняет необходимость такого солидного этнографического обзора, во-первых, тем, что многие не знают, что представляют собой японцы в религиозном и семейном плане; во-вторых, такое знание, по его мнению, нужно не для исследовательских задач, а исключительно для политических. Таким образом, для чиновников Госдепартамента и президента подчёркивалась практическая направленность антропологии и этнографии, для выработки более совершенной модели управления японской диаспорой, а главное – для формирования конкретного набора политических мер по нейтрализации японской угрозы в случае кризиса. И далеко не случайно, что объектом пристального этнографического внимания федеральных властей США в конце 1930-х становятся японцы, так как в отношении немцев уже имелась выработанная в годы Первой мировой войны практика оптимального управления диаспорой. Но именно образ жизни японцев, их «подноготная», как писал Мансон, делали трудно применимыми к ним меры 1917–1918 гг.

Поэтому, Мансон не создаёт в докладе образ японца как врага или потенциального саботажника, а предлагает набор моделей оптимального взаимодействия федеральной власти с японскими иммигрантами. И базисом всех моделей являются этнографические, социальные и исторические наблюдения. Начинает Мансон данное описание с доказательства близости японцев к остальным азиатским народам по религии, образу жизни, среде проживания, антропологическим признакам. Даже синтоизм Мансон объясняет просто: «С древности и по настоящее время все японцы почитают императора как потомка богини Солнца»<sup>12</sup>. Видно, что автор отчёта привёл рассуждения об антропологии японцев с целью доказать их единство, общность, а следующий абзац своего текста посвятил религии, которая напрямую поднимает вопрос о лояльности.

Метод формирования стереотипа японца оказался очень несложным: все японцы одинаковые; все поклоняются императору; император с точки зрения религии – высший авторитет. Но в этот привычный уже к 1941 г. для американцев стереотип Мансон вплетает социальный эле-

<sup>10</sup> Bartlit 2005: 143.

<sup>11</sup> Report of the General of the Army. Report of the Secretary of War. 1872. Washington, 1872; U.S. House. 42nd Congress, 2nd Session. "Annual Report of the Board of Indian Commissioners, 1871," Report of the Secretary of the Interior, 1871 (H.Exe.Doc.1). Washington, 15 November 1871. (Serial Set 1505).

<sup>12</sup> University of Washington Libraries microfilm A7378, Reel 17, Box 17, Frames 0034-0039, Items 19481.

мент: синтоизм и буддизм определили «феодальный тип общества», где высшее положение занимает даймё («барон», как уточняет Мансон), ему подчинялись самураи-«рыцари» и простой народ «хинин»<sup>13</sup>.

Это не простой экскурс в историю социальных отношений в Японии, с его помощью Мансон показывает принципиальные, на его взгляд, отличия американского общества от японского, выходя через данные отличия на проблему лояльности. Согласно отчёту, японское общество получается не просто консервативным, но неизменным за многие сотни лет. Весьма характерно, что социальные отношения как в современной ему Японии, так и в японской диаспоре в США Мансон описывает терминами «клан», «племенной вождь», «феодальное государство».

Таким образом, наблюдается радикальное отличие от образа Японии в США в начале XX в., когда на волне широкой симпатии в обществе, американские газеты именовали японцев «янки Востока», цивилизованное государство и т.д. К концу 1930-х гг. такие характеристики уже давно не вспоминали. В эти годы шло становление новой государственной практики – создание образа дикой, варварской Японии. И Мансон в своей характеристике общества через «кланы» был далеко не одинок. Так, на страницах «New York Times Magazine» Нью Байс писал, что и в 1940 г. ведущая роль в японской армии принадлежит кланам, что самураи – по-прежнему основа вооруженных сил Страны Восходящего Солнца<sup>14</sup>. В «New York Times» регулярно появлялись статьи о самурайском духе в современной Японии<sup>15</sup>. Следовательно, Мансон лишь охарактеризовал общую тенденцию в общественно-политической жизни США, когда в межвоенный период Японии и японцы эволюционировали в американском общественном мнении из цивилизованной, передовой страны в средневековую, феодальную державу (Мансон прямо пишет для чиновников Госдепартамента США – «влияние феодализма продолжается до сих пор»)<sup>16</sup>. А ведущую роль в этом процессе изменения стереотипов сыграл этнографический, антропологический и социальный факторы. И через эти же факторы чиновниками в Вашингтоне анализировались аспекты, связанные с лояльностью.

Социально-исторический, религиозный и этнографический экскурсы позволили Мансону сделать вывод о практически непоколебимой, врождённой лояльности японцев к своему императору, но решение, очевидное для автора отчёта, коренным образом отличается от мнения аналитиков ФБР (особенно в Сан-Франциско), которые видели прямую угрозу во всей японской диаспоре<sup>17</sup>. Мансон же указывает чиновникам на существенное различие в японцах-иммигрантах: они были оторваны

<sup>13</sup> Ibidem.

<sup>14</sup> New York Times Magazine. 1940. July 28: 78.

<sup>15</sup> New York Times. 1939. December 24: 41.

<sup>16</sup> University of Washington Libraries microfilm A7378, Reel 17, Box 17, Frames 0034-0039, Items 19481.

<sup>17</sup> National Archives and Records Administration. Record Group 65.2 General Records of the FBI. FBI Report on Japanese Organizations.

от «кланов», «феодализма» и традиционных религий, следовательно, и лояльность к императору у них должна была поменяться.

Мансон задаётся очень актуальным для федеральной власти вопросом: как определять степень лояльности у различных групп внутри диаспоры, от чего она зависит? А если уровень лояльности у иммигрантов разный, то задача властей использовать данные различия (в случае кризисной ситуации) для управления и манипулирования японо-американцами. Первым подобным отличием он называет японцев-христиан, которые «понимают США лучше любой другой группы в диаспоре, и на них меньше воздействует феодализм»<sup>18</sup>.

Здесь мы видим два принципиально разных подхода федеральной власти США к проблеме японской лояльности: ФБР предлагает определять степень доверия к японцам по этническому признаку, а Госдепартамент – по религиозному. Отсюда вытекает и два практически взаимоисключающих решения: ФБР и отчасти военное министерство США выступают за изоляцию этнических японцев в случае конфликта<sup>19</sup>; Госдепартамент проявляет большую гибкость, считая, что только избирательный подход к разным элементам японской диаспоры способен ликвидировать опасность, а главное – не породить новые угрозы, тотальным недоверием японцам. Эта разница в подходах выливается в процесс параллельной разработки на федеральном уровне двух моделей взаимодействия Вашингтона с японо-американцами.

ФБР, военное министерство и военно-морская разведка сосредоточились на выявлении связей между японской диаспорой и разными организациями внутри нее<sup>20</sup>. Только в Калифорнии ФБР выявило 11 крупных организаций японцев, ориентированных на прямую финансовую помощь армии и флоту Японии (сумма взносов в месяц варьировалась по данным агентов от 1 до 2000 долларов)<sup>21</sup>. По отчётам ФБР Японская ассоциация в Америке и японские торговые палаты, через свои отделения в Сан-Франциско, Сиэтле, Портленде, Чикаго, Нью-Йорке Лос-Анджелесе, включили в пропаганду практически всех членов японского сообщества США. Это снова работало на подтверждение главного тезиса ФБР – все японо-американцы нелояльны, потому что они японцы.

Мансон не обошёл вниманием вопрос об организациях, заявив, что в США их, согласно данным военно-морской разведки, 1563. Но вместо характеристики их деятельности и прогнозов (как это сделано в отчётах ФБР), он о них пишет: «Не буду загромождать ими свой отчёт»<sup>22</sup>. Нали-

<sup>18</sup> University of Washington Libraries microfilm A7378, Reel 17, Box 17, Frames 0034-0039, Items 19481.

<sup>19</sup> National Archives and Records Administration. Record Group 165. File 1055.

<sup>20</sup> National Archives and Records Administration. Record Group 59. Box 5897. Japanese Intelligence and Propaganda in the United States During 1941.

<sup>21</sup> Internment Archives. File No. 100-4657. July 3, 1941. FBI Report on Heimusha Kai and other organizations

<sup>22</sup> University of Washington Libraries microfilm A7378, Reel 17, Box 17, Frames 0034-0039, Items 19481.

цо совершенно иная модель отношения не только Мансона, но и Госдепартамента и Белого Дома (куда в первую очередь предназначался отчёт) к японским организациям. Федеральные чиновники явно не видят практического применения подходу ФБР, основанному на выявлении и описании организаций. Действительно, главную проблему, с точки зрения Мансона, это не решало – не давало ответов на вопросы: как выявить нелояльных японцев, как отделить их от лояльных, какого характера должна быть политика в отношении лояльной части?

Поэтому Мансон делит японо-американцев не на общества, а на поколения иммигрантов, выделяя традиционные три поколения<sup>23</sup>: иссеи (первое поколение иммигрантов), нисеи (второе поколение), сансеи (третье поколение) и одну специфическую группу – кибеи. В этом разделении, по мнению Мансона, ключ понимания и решения «японского вопроса», так как люди, представляющие данные поколения, совершенно по-разному относятся к Японии, США, у них не просто различные, а порой противоположные взгляды на систему образования, религию, лояльность. Автор отчёта кратко, но очень ёмко характеризует каждую группу. Первое поколение (иссеи), по его мнению, в плане культуры – японцы. Это для Мансона решающий показатель, из которого он делает вывод: «возможно, лояльны Японии, но лояльны романтически»<sup>24</sup>.

Видно, что здесь аналитик Госдепартамента обращается к начальной идее своего отчёта – определять степень лояльности через этнографический фактор. Однако проведённые Мансоном опросы в Калифорнии заставляют его если не усомниться в важном выводе, то, по крайней мере, его скорректировать. Термин «романтическая лояльность» во многом уникален: он не встречается в отчётах ФБР или военно-морской разведки. Скорее всего, Мансон использует этот термин для доказательства (или хотя бы для демонстрации перед Госдепартаментом и Белым Домом) принципиально важного тезиса: при определении лояльности следует учитывать не только внешние (или антропологические и этнографические) факторы (одежда, образ жизни, язык, религия, не говоря уже о расовой принадлежности), но и социальные. «Иссеи создали здесь свой дом. Они здесь воспитали детей. Свои богатства они накопили тяжким трудом здесь. Многие из них стремятся стать гражданами США, если им это будет позволено»<sup>25</sup>.

Таким образом, благодаря жизни и работе в США у первого поколения японских иммигрантов настоящей лояльности к Японии не осталось – лишь «романтический налёт». Для Госдепартамента это очень любопытное заключение – отчёт показывает, что сам образ жизни в США (даже без образования, которого иссеи были лишены) способен коренным образом менять лояльность потенциально опасных этниче-

<sup>23</sup> McLellan 1999: 59.

<sup>24</sup> University of Washington Libraries microfilm A7378, Reel 17, Box 17, Frames 0034-0039, Items 19481.

<sup>25</sup> Ibidem.

ских групп. Кроме того, на позицию Госдепартамента влиял и опыт позитивного взаимодействия иссеев и федерального правительства в годы Первой мировой войны.

Вторую группу в японской диаспоре (нисеи) Мансон характеризует как людей, в возрасте от 1 года до 30, получивших «целостное образование в США». В их лояльности американский аналитик полностью уверен, «несмотря на годы унижений и дискриминации, они стремятся быть американцами»<sup>26</sup>. Опираясь на данные своих опросов, Мансон показывает высоким чинам в Вашингтоне, что реальной угрозы со стороны нисеев нет. Он косвенно критикует политику 1908–1924 гг. по ущемлению прав японского населения, особенно в Калифорнии. И снова автор отчёта делает упор на фактор социализации «чужого населения», а не на этнический фактор, как «силовики».

Мансон (для более убедительного доказательства выгоды практического подхода к японским иммигрантам) отходит от традиционного разделения диаспоры на поколения и выделяет среди нисеев особую категорию – кибей. Данный термин был новым – он начал оформляться в политическом языке США одновременно с исследованиями Мансона<sup>27</sup>. Это японцы, родившиеся в США, но получившие образование в Японии и затем вернувшиеся в США. К 1940 г. такая практика среди японо-американцев получила достаточно широкое распространение – кибеев было около 11 тыс. чел.<sup>28</sup> На кибеев ФБР и военно-морская разведка смотрели с особым подозрением, видя период обучения в Японии как наиболее вероятное время для вербовки кибеев в качестве будущих шпионов и диверсантов. Но Мансон считает, что и здесь федеральные власти должны продемонстрировать более гибкий подход, снова исходя из социального фактора – он рекомендует разделять кибеев на две группы: тех, кто получил образование в Японии в возрасте от 6 до 17 лет, и тех, кто уже имел базовое американское образование<sup>29</sup>.

Эту мысль он выделяет в отчёте даже текстуально – прописными буквами. Именно от этого и зависит их лояльность по отношению к США<sup>30</sup>. Отсюда следует чрезвычайно оригинальный главный вывод Мансона: кибей лояльнее, чем нисеи и иссеи, потому что столкнулись с японской действительностью, испытали полное презрение к себе на родине и «вернулись в США с дополнительной лояльностью»<sup>31</sup>. Рекомендация аналитика для властей в Вашингтоне: «Честно говоря, каждый нисей нуждается в поездке в Японию, чтобы сделать из него лояльного

<sup>26</sup> University of Washington Libraries. microfilm A7378, Reel 17, Box 17, Frames 0034-0039, Items 19481.

<sup>27</sup> Wendy 2002: 5-7.

<sup>28</sup> Doi 1991: 153–163.

<sup>29</sup> University of Washington Libraries. microfilm A7378, Reel 17, Box 17, Frames 0034-0039, Items 19481.

<sup>30</sup> Hane 1990: 569–575.

<sup>31</sup> University of Washington Libraries. microfilm A7378, Reel 17, Box 17, Frames 0034-0039, Items 19481.



американца»<sup>32</sup>. Здесь Мансон предлагает, безусловно, одну из самых оригинальных практик по «переделыванию японцев», которая, как и вся его концепция, базируется на образовании. Такое предложение радикально отличалось не только от подходов военных и ФБР к японской угрозе, но и от моделей решения «немецкого и итальянского вопроса».

Вашингтонский аналитик понимал, что его предложения выглядят практически фантастическими, поэтому, завершая обзор поколений японо-американцев, ещё раз акцентировал внимание высоких чинов: «Модель диаспоры, созданная в секретных документах военно-морского ведомства, рисует зловещую картину, но только на бумаге. Мы же предлагаем модель, построенную не в духе Хеллоуина»<sup>33</sup>. Мансон решается на открытое высмеивание аналитической работы разведки ВМС, прежде всего, исходя из материалов наблюдений и опросов, которые он провёл в 11-ом, 12-ом и 13-ом военно-морских округах США, а также необходимости, причём актуальной необходимости, в создании новой практики взаимодействия Вашингтона и японо-американцев. Речь шла об апробации действительно нового определения лояльности, новых подходов в регулировании этнических конфликтов, наконец, новой практики социального манипулирования. Фактически Мансон предлагал апробировать на федеральном уровне применительно к японцам совершенно новую социальную иерархию, где главный критерий – образование.

Написанные примерно в это же время отчёты других ведомств США предлагают оставаться на старых позициях по всем этим вопросам. Так, в докладе полковника К. Майсона (глава военной разведки) от 12 февраля 1941 г. доказывается (со ссылкой полковника на «надёжный источник»), что японская разведка в США работает в тесной взаимосвязи с немецкой и итальянской разведкой, поэтому все иностранные организации (к которым полковник советует добавить и все коммунистические, негритянские, антисемитские, рабочие организации) должны быть поставлены под жёсткий контроль<sup>34</sup>. В тот же период директор военно-морской разведки капитан Дж. Джеймс доносил, что японцы в плане разведки будут сотрудничать с итальянцами и немцами, а в случае войны переместятся в Мексику, где создадут новую разведсеть<sup>35</sup>.

Мансон подобные прогнозы считал маловероятными, указывая по поводу данной и других угроз, что «да, существуют в США японцы, способные стать живыми бомбами. Но их мало»<sup>36</sup>. 98% японцев в США, по мнению аналитика, лояльны США, и Мансон предлагает Вашингто-

<sup>32</sup> University of Washington Libraries. microfilm A7378, Reel 17, Box 17, Frames 0034-0039, Items 19481.

<sup>33</sup> Ibidem.

<sup>34</sup> National Archives and Records Administration. RG 165. Classified Material for 1941. Reorganization of Japanese Intelligence Service in the United States.

<sup>35</sup> National Archives and Records Administration. RG 457. Box 286.

<sup>36</sup> University of Washington Libraries. microfilm A7378, Reel 17, Box 17, Frames 0034-0039, Items 19481.

ну второй комплекс практических мер по сохранению данной лояльности: «Нисеи стремятся показать лояльность. Они не являются японцами по культуре. Надо поощрять организации японцев, пока Токио не прибрало их к своим рукам. Небольшой жест по их защите и принятию ликвидирует последнюю романтическую жажду по старой Японии»<sup>37</sup>.

Видно, что докладчик советует Вашингтону отойти от политики давления на японские объединения (за которую выступало ФБР и военно-морская разведка) и продемонстрировать японо-американцам своё доверие – это и будет лучшей гарантией недопущения саботажа и шпионажа. Важно подчеркнуть, что Мансон обосновал практику отношения к японо-американцам, полностью противоречащую не только позиции властей, но и общественному мнению: в предвоенный период в «New York Times» регулярно появлялись статьи о задержании в Калифорнии и на Гавайях десятков японских шпионов<sup>38</sup>. Особенно активно на эту (и смежные с ней) тему писала в 1940–1941 гг. «Los Angeles Times».

Предлагаемая Мансоном практика была новой для ФБР и разведки, но уже апробировалась местными властями в Калифорнии, а именно мэрами Лос-Анджелеса 1933–1941 гг. Фрэнком Шоу и Флетчером Броуном. Ещё в 1934 г. была учреждена «Неделя нисеев» как поликультурный фестиваль с парадами, танцами и выбором «Королевы нисеев»<sup>39</sup>. Но данный праздник был запланирован властями только для второго поколения японских иммигрантов. Поэтому скорее разделял иссеев и нисеев, а пресса всячески подчёркивала разницу для мэрии между поколениями японской диаспоры<sup>40</sup>.

Принципиально новый характер предложений Мансона был именно в создании практики по ликвидации данных различий, чтобы добиться лояльности не одной группы в диаспоре, а всего сообщества в целом. Понимая, на сколько велика роль негативного общественного мнения по отношению к японцам, Мансон разбирает в конце отчёта три наиболее обсуждаемых в прессе угрозы со стороны диаспоры: саботаж, шпионаж, пропаганда – в целях, как пояснил сам докладчик «ответить на главный вопрос - что эти люди будут делать в случае войны между США и Японией»? После лояльности – это один из самых обсуждаемых вопросов как на федеральном, так и на местном уровне<sup>41</sup>. И снова вывод Мансона идёт вразрез с многолетними представлениями американцев: «Японской угрозы на побережье нет. Никакого вооружённого восстания японцев здесь не будет»<sup>42</sup>. Аналитик не исключает отдельных случаев террора,

<sup>37</sup> Ibidem.

<sup>38</sup> New York Times. 1941. July 31: 3.

<sup>39</sup> Los Angeles's Little Tokyo. Los Angeles, 2010: 41; Roxworthy 2008: 131.

<sup>40</sup> Los Angeles Times. 1940. August 6: 8.

<sup>41</sup> Charles E. Young Research Library. Collection of Material about Japanese American Internment, 1929-1956. Series 1: War Relocation Authority (WRA), 1942-1945. Box 1. Quarterly report. 1942 March 18-June 30.

<sup>42</sup> University of Washington Libraries. microfilm A7378, Reel 17, Box 17, Frames 0034-0039, Items 19481.

но с той же степенью вероятности, что и у других наций. Такими громкими заявлениями докладчик стремится показать, что диагностика японской опасности по национальному признаку, ошибочна и не решает проблемы. Только социальный подход, с учётом особенностей иссеев, ниссеев и кибеев, по мнению Мансона, может дать результаты в анализе и ликвидации японской угрозы.

В итоге, и военные, и ФБР никаких (за исключением традиционных иссеев и ниссеев) особых групп среди японо-американцев не выделяли, а главное – строили выводы и давали практические рекомендации без учёта специфики данных групп. Мансон же один из первых создал принципиально новый подход в отношении к японской диаспоре и попытался ввести его в практическую сферу.

В 1940–1941 гг. в Вашингтон регулярно поступали доклады, в которых доказывалась необходимость формирования отношений с диаспорой как по модели Мансона, так и по модели «силовики». Генеральному прокурору Ф. Биддлу и президенту Рузвельту в преддверии конфликта надлежало выбрать либо радикальный вариант «нейтрализации японской угрозы», либо гибкий социальный подход. Однако нападение на Пёрл Харбор создаст уникальную ситуацию в общественном мнении США, при которой никакая гибкая практика в отношении японо-американцев будет невозможна, а «антияпонская идея» становится одним из ключевых элементов по мобилизации общества на войну. Поэтому уже с 7 декабря 1941 года начнётся реализация модели ФБР по ликвидации японской опасности – по этническому признаку, путём интернирования всех японцев.

#### БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Bartlit N. *Silent Voices of World War II*. New York, 2005. 352 p.
- Burton J. *Confinement and Ethnicity: An Overview of World War II Japanese American Relocation Sites*. Seattle, 2002. 472 p.
- Charles E. Young Research Library. *Collection of Material about Japanese American Internment, 1929-1956. Series 1: War Relocation Authority (WRA), 1942-1945. Box 1. Quarterly report. 1942 March 18-June 30.*
- Davis D.S. *Behind barbed wire: The imprisonment of Japanese Americans during World War II*. New York, 1982. 281 p.
- Davis T. *Race relations in America*. Westport, 2006. 301 p.
- Doi M. *A Transformation of Ritual: The Nisei 60th Birthday* // *Journal of Cross-Cultural Gerontology*. 1991. № 2. P. 153–163.
- Hane M. *Wartime Internment* // *The Journal of American History*. 1990. № 77. P. 569 – 575.
- Hayashi M. *Democratizing the enemy: The Japanese internment*. NJ., 2004. 328 p.
- Internment Archives. File No. 100-4657. July 3, 1941. FBI Report on Heimusha Kai and other organizations.
- Leupp G. *Interracial Intimacy in Japan: Western Men and Japanese Women*. N.Y., 2003. 384 p.
- Levine E. *A fence away from freedom: Japanese Americans and World War II*. N.Y., 1995. 422 p.
- Los Angeles Times. 1940. August 6.
- Los Angeles's Little Tokyo. Los Angeles, 2010.
- McLellan J. *Many Petals of the Lotus: Five Asian Buddhist Communities in Toronto*. Toronto 1999. 432 p.
- National Archives and Records Administration. Record Group 59. Box 5897. *Japanese Intelligence and Propaganda in the United States During 1941*.

- National Archives and Records Administration. Record Group 65.2 General Records of the FBI. FBI Case Report, Agents of Foreign Principals.
- National Archives and Records Administration. Record Group 65.2 General Records of the FBI. FBI Report on Japanese Organizations.
- National Archives and Records Administration. Record Group 165. File 1055.
- National Archives and Records Administration. RG 165. Classified Material for 1941. Reorganization of Japanese Intelligence Service in the United States.
- National Archives and Records Administration. Record Group 319. File: Series 2669. October 1940, Japanese Alien Situation.
- National Archives and Records Administration. RG 457. Box 286.
- New York Times. 1939. December 24. P. 41.
- New York Times Magazine. 1940. July 28. P. 78.
- New York Times. 1941. July 31. P. 3.
- Report of the General of the Army. Report of the Secretary of War. 1872. Washington, 1872.
- Robinson G. A Tragedy of Democracy: Japanese Confinement in North America. New York, 2013. 280 p.
- Roxworthy E. The Spectacle of Japanese American Trauma: Racial Performativity and World War II. Honolulu, 2008. 302 p.
- Sundquist E. The Japanese-American Internment: A Reappraisal // The American Scholar. 1988. Vol. 57, No. 4. P. 532 – 553.
- University of Washington Libraries microfilm A7378, Reel 17, Box 17, Frames 0034-0039, Items 19481.
- Wendy L. Japanese American Internment During World War II. Greenwood, 2002. 204 p.

**Буранок Сергей Олегович**, доктор исторических наук, профессор, кафедры всеобщей истории, права и методики обучения, ГГПИУ; [witch-king-1@mail.ru](mailto:witch-king-1@mail.ru)

### **Solutions to the “Japanese question” in the USA during the Japanese-Chinese conflict**

The article discusses the history and evolution of the attitudes of the “Japanese threat” in the United States in 1937 - 1941. It is shown that several models for the relations with the Japanese diaspora existed in the USA. The role of ethnic, anthropological, religious, historical and social factors in the practice of regulating the interaction of Japanese-Americans and US authorities is shown. The content of the report “Japanese on the West Coast” by Curtis Manson and its fundamental importance for understanding of the specifics of the “Japanese question” by the federal government in 1940 - 1941 are considered separately. The author discusses differences between the approaches by Manson and the FBI in determining Japanese loyalty, as well as in conclusions and forecasts regarding the behavior of the Japanese diaspora in case of war.

**Keywords:** Sino-Japanese war, US public opinion, ethnic conflicts

**Sergey Buranok**, Dr. Sc., assistant professor, Department of World History, Law and Education; [witch-king-1@mail.ru](mailto:witch-king-1@mail.ru)